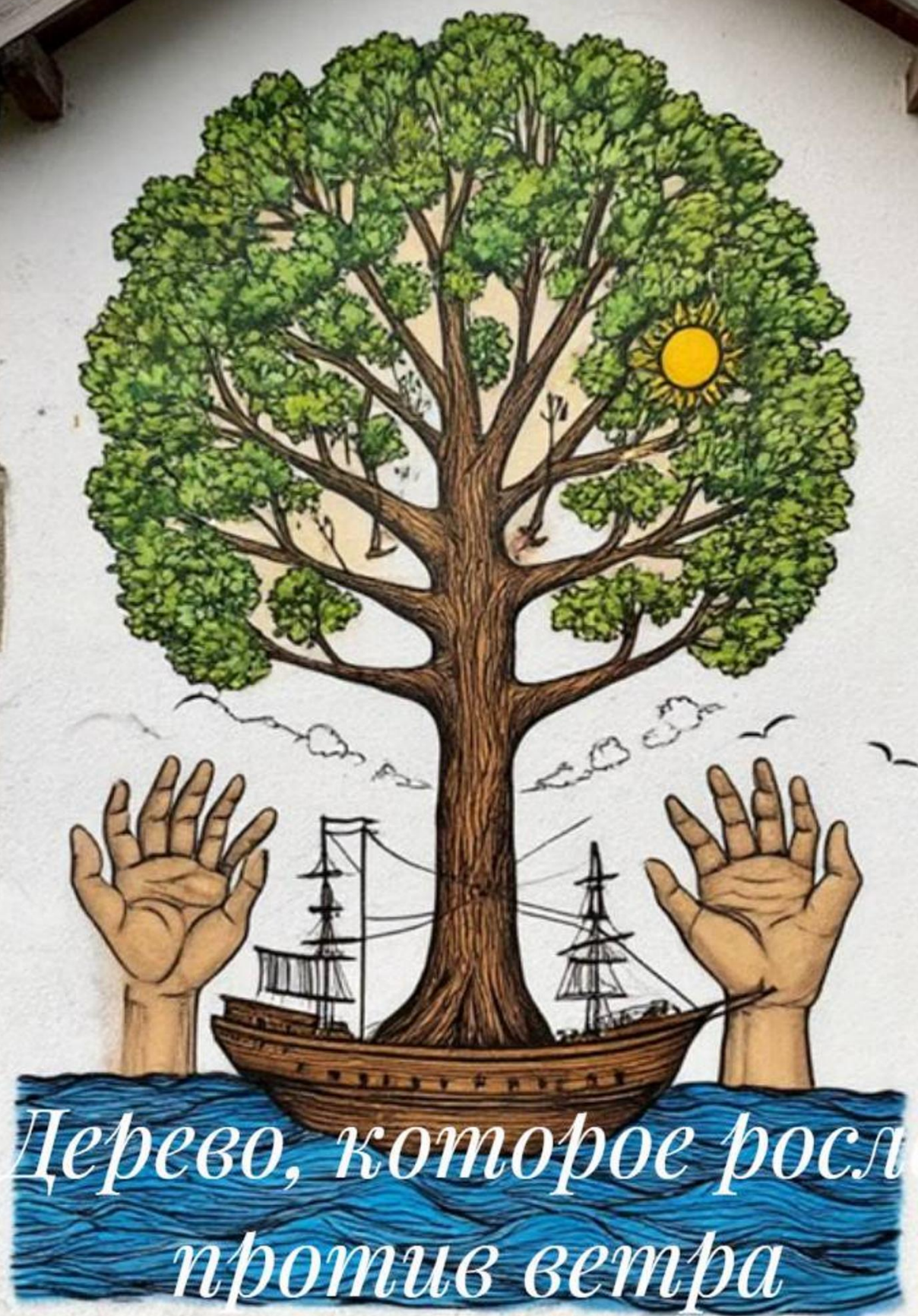

Ominayashi

Ominayashi

**Дерево, которое
росло против ветра**

«Автор»

2026

Ominayashi

Дерево, которое росло против ветра / Ominayashi — «Автор»,
2026

Дерево, которое росло против ветра — это история о девушке Еве Конти, живущей в старинном итальянском городке Атри, где всё принадлежит её семье, а жизнь расписана на поколения вперёд. Дед Сальваторе, негромкий патриарх, чьего тихого слова боятся соседи, тётка Беатриче, знающая про каждого всё, дядя Джованни, прямой, как камень, — все они уверены, что Ева выйдет замуж за Марко, сына нотариуса, и земли объединятся, и план будет исполнен. Но в сентябре в Атри приезжает Кир Моретти — тосканский реставратор фресок, угловатый, пахнувший скипидаром, смотрящий на мир так, будто видит сквозь краску жизнь под ней. Ева и Кир встречаются у фонтана шестнадцатого века, и с этого прикосновения — кончиками пальцев, будто проверяя, настоящая ли она, — начинается то, чего план не учитывал. Это роман о том, как дерево, посаженное не тобой, всё равно растёт против ветра, и о том, бывает ли свобода без чужой боли.

© Ominayashi, 2026

© Автор, 2026

Ominayashi

Дерево, которое росло против ветра

Дерево, которое росло против ветра

Глава первая. В которой пахнет лимонами и назревает буря

В маленьком городке Атри, что на восточном побережье Абруццо, где холмы сбегают к Адриатическому морю, словно зелёные складки сбегают по подолу платья, жила семья Конти. Вернее, не так. В Атри жила семья Конти — и этим всё сказано. Потому что в Атри всё принадлежало Конти: оливковые рощи, виноградники на южном склоне, палаццо на виа дель Дуомо с облупившимися фресками на фасаде, и даже тень от колокольни, по мнению старого Сальваторе Конти, падала туда, куда он ей позволял падать.

Ева Конти была его внучкой. Ей было двадцать три, и она была из тех девушек, про которых в романах пишут «нежная красота», но в жизни это означало нечто куда более сложное: тонкие запястья, тёмные глаза, в которых отражалось небо с такой жадностью, словно они пытались его выпить, и характер, который при всей внешней мягкости напоминал тот самый корень оливы, что пробивает камень — медленно, но неотступно.

В Атри, где каждый камень помнил шесть столетий и где ничто не происходило быстро, Ева росла между двумя силами. Первая — дед Сальваторе, патриарх семьи, человек, который никогда не повышал голос, потому что не нуждался в этом. Его тихого слова хватало, чтобы вино в погребе скисало, а сосед перестал разговаривать с тобой навсегда. Вторая — тётка Беатриче, сестра покойной матери Евы, женщина необъятная во всех смыслах: в объёме, в амбициях, в способности знать про каждого жителя Атри всё то, о чём тот предпочёл бы молчать.

У Евы был план жизни, написанный не ей. План был прост и безупречен, как всё, что придумывал Сальваторе: выйти замуж за Марко Феррари, сына нотариуса из Кьети, объединить земли, укрепить связи, породниться с семьёй, у которой в банке сидит правнук их кузена. План не учитывал только одного — Еву.

Впрочем, и второго он не учитывал.

Кира Моретти Атри не знало. Кир был из Тосканы, из городка Сан-Джиминьяно, где башни торчат из земли, как пальцы, — будто город держит небо за горло. Он приехал в Абруццо реставрировать фрески в церкви Санта-Мария-ин-Коллемаджо в Л'Акиле — фрески, которые пережили землетрясение две тысячи девятого года и кое-как пережили реставраторов из Рима, которые залили их чем-то, от чего краска начала осыпаться ещё быстрее.

Кир был из тех мужчин, которые выглядят так, словно их вырезали из старого дерева: угловатые скулы, крупные руки, пахнущие всегда скипидаром и льняным маслом, и взгляд, который был направлен не на мир, а сквозь него — как будто он видел слой штукатурки под краской и слой жизни под штукатуркой.

Он приехал в Атри в сентябре, когда оливки только начинали наливаться, и воздух пах так, словно кто-то выжал в него целый лимонный сад.

Их первая встреча произошла на рынке, в субботу, когда Ева покупала у Марко — того самого, за которого её собирались выдать — козий сыр. Марко говорил ей что-то о погоде, о том, что дождь будет в среду, и что это хорошо для винограда. Ева кивала и смотрела мимо его плеча.

Мимо его плеча, на другой стороне площади, стоял человек, которого она не знала. Он разглядывал колокольню собора с таким сосредоточенным вниманием, словно она была написана фресковой техникой и он решал, реставрировать её или оставить умирать. На нём была

льняная рубашка цвета пыльной оливы, и он держал в руке бумажный стаканчик с кофе так осторожно, как держат яйцо.

Ева смотрела на него. Он не заметил. Марко продолжал говорить про дождь в среду.

Они встретились снова через два дня, у фонтана на виа Гарибальди. Ева сидела на бортике, опустив пальцы в воду — сентябрьское солнце грело камень, и вода была тёплой, сонной. Кир шёл мимо с папкой рисунков под мышкой и остановился, потому что фонтан был работы шестнадцатого века и он не мог пройти мимо фонтана шестнадцатого века, не остановившись.

— Кто автор? — спросил он, кивнув на фонтан.

— Никто не знает, — сказала Ева. — Дед говорит, что его сделал какой-то мастер из Венеции, но тётка Беатриче утверждает, что его привезли из Рима, и вообще это работа Бернини.

— Это не Бернини, — сказал Кир без высокомерия, просто как факт. — Бернини работал с движением. Тут движение есть, но другое — более медленное. Как будто вода и камень разговаривают, а не спорят.

Ева посмотрела на него. Потом на фонтан. Потом снова на него.

— Вы реставратор, — сказала она. Это прозвучало не как вопрос.

— Да. А вы — Конти, — ответил он, и это тоже прозвучало не как вопрос.

— Откуда вы знаете?

— Потому что в Атри все говорят про Конти. И все говорят так, будто понижают голос.

Ева засмеялась. В Атри над ней не смеялись — над Конти не смеялись. И ей вдруг стало легко, как будто она сняла платье, которое носила год, и оно наконец перестало жать.

Глава вторая. В которой оливковое масло решает больше, чем дипломатия

К октябрю они виделись уже семь раз. Каждый раз — случайно, как будто Атри было таким маленьким, что не видеться было невозможно. Но Атри было достаточно большим, чтобы не видеться, и оба это знали.

Они встречались в виноградниках, на старой террасе, где лозы были посажены ещё прадедом Сальваторе — vines, что значит «лозы» по-английски, но по-итальянски viti, и от этого слова происходит viticcio — «запутанность», что, если подумать, очень точно описывает и виноград, и любовь, и родственные связи в итальянской семье.

Кир рассказывал ей про фрески. Про то, как под слоем краски семнадцатого века можно найти более ранний слой — четырнадцатого, а под ним — рисунок углём, набросок художника, который, может быть, никогда не закончил работу, но рука его дрогнула на штукатурке, и эта дрожь осталась навсегда. Он говорил об этом так, как другие говорят о любви — с тем тихим благоговением, которое не показывает, а скрывает.

Ева рассказывала ему про оливки. Про то, что оливковое масло первого отжима — extra vergine — должно быть холодным, не выше двадцати семи градусов, иначе вкус умирает. Про то, что дерево живёт две тысячи лет и первые плоды даёт только на седьмой. «Терпение, — говорила она, — дерево умеет ждать лучше, чем люди».

— А вы умеете ждать? — спросил её Кир однажды, когда солнце садилось за холмы, и виноградные листья стали медно-красными, как будто кто-то поджёг их изнутри.

— Я умею, — сказала Ева. — Но не уверена, что хочу.

Это было признание. Кир понял. И ничего не ответил, потому что в такие моменты молчание честнее слов. Он просто протянул руку и коснулся её ладони — кончиками пальцев, как будто проверял, настоящая ли она.

Она была настоящая.

К ноябрю начался сбор оливок. В Атри сбор оливок — это не сельскохозяйственное событие, это религиозное. Вся семья Конти выходила в рощу: Сальваторе, его сыновья — Джованни и Паоло, их жёны, тётка Беатриче, кузены, кузины, дети кузенов — все, от мала до велика. Расстилали сетки под деревьями, и мужчины били ветки длинными палками — не сильно, бережно, чтобы не повредить почки будущего года, и оливки падали в сети, как зелёный дождь.

Ева работала рядом с Беатриче, которая собирала оливки с земли, с колен, и говорила без остановки, потому что Беатриче умела говорить и собирать одновременно — два процесса, которые у неё были независимы.

— Марко заходил вчера, — сказала Беатриче, не поднимая головы. — Принёс сыр. Твёрдый, как его отец. Держится дольше, чем нужно.

Ева не ответила. Она перебирала оливки, откладывая повреждённые в отдельную корзину. Руки её были в масле, и пальцы блестели.

— Я видела тебя на рынке с тем незнакомцем, — продолжала Беатриче, и голос её не изменился, но пауза между словами стала чуть длиннее, как трещина в фарфоре. — Тосканец. Реставратор. С лицом, будто его забыли досушить.

— Он разглядывал фонтан, — сказала Ева.

— Фонтан, — повторила Беатриче с интонацией, которая превращала любое слово в приговор. — Конечно. Фонтан.

Она не сказала больше ничего. Но Ева знала: молчание Беатриче опаснее её слов. Слова были как листья — их мог сдуть ветер. Молчание было как корень — его не видел никто, но он уже рос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.